

Если раньше Цюй Хайяо не испытывал особого интереса к мюзиклам, то теперь, по крайней мере, к знакомству с этим «дядей», у него появился огромный интерес. Учитель Жун И! Маленький человек в голове Цюй Хайяо уже потирал руки, готовый к действию. Он спросил Жун И:

— А этот учитель до сих пор преподаёт?

— Преподаёт... — Жун И нахмурился. — А тебе зачем?

— Я хочу стать его учеником! — Цюй Хайяо радостно извивался на кровати, совершенно не похоже на человека, находящегося в карьерном кризисе.

— — Даже зная о взбалмошности Цюй Хайяо, Жун И был поражён его способностью так резко менять настроение. — Ты думаешь, что я могу просто так тебя к нему подсадить?

— Ну и что? — голос Цюй Хайяо был полон радости. — Мой брат — это сочетание красоты и таланта, обаяния и мастерства. Никто не сможет отказать моему брату ни в одном взгляде, ни в одной просьбе!

Жун И вздрогнул от этого потока комплиментов и рассмеялся. Он поднял бровь и спросил:

— Правда? Никто не сможет отказать мне в просьбе?

— Конечно! — Цюй Хайяо был непреклонен. — Даже если ты будешь баллотироваться в президенты США, мой брат получит все голоса!

— Вот как... — Жун И сказал это с притворной мягкостью, и Цюй Хайяо уже погрузился в свои грандиозные комплименты, как вдруг тон Жун И стал совершенно серьёзным.

— Тогда я сначала попрошу тебя, господин Цюй: забудь об этом.

Цюй Хайяо замер, на мгновение потеряв дар речи, и только через некоторое время взвыл:

— Ну, брат, будь милосердным!

Жун И только смеялся, его смех был низким, но лёгким, и, передаваясь через телефонные волны, он звучал в ушах Цюй Хайяо с оттенком близости. Это было не совсем интимно, но казалось, что какая-то струна в его сердце была задета. Цюй Хайяо на мгновение растерялся, а Жун И, думая, что он просто не может найти слов, продолжил шутить:

— Это Великий киноимператор с восемью наградами снизошёл до просьбы? О, это слишком для меня.

— Брат... — Цюй Хайяо уже готов был упасть на колени перед Жун И, но тот этого не видел. — Я ошибся, брат, я больше не буду искать смерти у тебя, просто отпусти меня.

— Безвольный. — Через телефон Цюй Хайяо почти видел, как Жун И смотрит на него с неодобрением. — Я скажу так: если ты хочешь подтянуть вокал, я могу помочь тебе связаться с учителем Цэнем, но, на мой взгляд, мюзикл тебе не подходит. Учитель Цэнь тебя не возьмёт, и тебе не нужно на этом заикливаться. Лучше потратить это время на Инь Наня и Лю Цзажэня, этих ублюдков.

— Обсуди свои дальнейшие планы с агентом, но моё мнение таково.

Цюй Хайяо был тронут. Жун И действительно заботился о нём, позвонив среди ночи, чтобы обсудить его шаткое будущее.

— Брат, ты так добр... ты как живой Будда... — Цюй Хайяо жалобно бормотал.

— А ты тогда кто? Маленький Яма? — Жун И усмехнулся. — Я замечаю, что ты становишься всё более развязным.

Цюй Хайяо тут же прикрыл руками область между ног:

— Ты хочешь сравнить «размер»?! Брат, ты такой развратный!

— Пошёл вон! — Жун И рассмеялся и резко положил трубку.

Цюй Хайяо, смеясь, упал на кровать, набив рот пухом из одеяла. Он счастливо катался по кровати, думая, что действительно становится всё более развязным.

Но Жун И, похоже, тоже это нравится! Какой же он цундере! Цюй Хайяо улыбался, сверкая зубами в темноте, как в фильме ужасов.

Когда Линь Ци узнал, что Цюй Хайяо обсудил с Жун И вопрос о мюзикле и получил серьёзный совет, его лицо выражало полное недоумение.

— Подожди, я хочу уточнить... — Линь Ци, хмурясь, смотрел на Цюй Хайяо. — Ты и Жун И действительно...

— Чисты и прозрачны! — Цюй Хайяо был возмущён. — Сколько раз я тебе говорил, мой брат просто очень хороший человек! Очень-очень хороший! Не оскверняй моего кумира своими грязными мыслями!

Линь Ци закатил глаза до небес. Он чувствовал, что каждый раз, когда они с Цюй Хайяо говорят о Жун И, он поражается тому, как тот поклоняется ему. Линь Ци не был человеком без такта, и, в принципе, он уже должен был привыкнуть к этому, но, видимо, каждый раз, когда они обсуждают Жун И, поклонение Цюй Хайяо становится всё сильнее.

— Если бы я не видел, как ты вёл себя с Жун И на съёмках «MENU», я бы подумал, что ты тайный председатель фан-клуба Жун И. — Линь Ци безэмоционально съязвил.

Цюй Хайяо, который и так был толстокожим, в вопросах, касающихся Жун И, демонстрировал удивительную способность переворачивать всё с ног на голову, не стесняясь и даже гордясь этим:

— Эй! Это хорошая идея! Я сейчас свободен, я проведу исследование и посмотрю, смогу ли я стать региональным представителем!

— Представителем твоей задницы! — Линь Ци был в ярости. — Ты рад, что у тебя нет работы? Быстро иди и подтягивай базовые навыки!

— Я и сам не хочу быть без работы, — Цюй Хайяо слегка опустил глаза, его длинные ресницы мелькнули, и Линь Ци не смог разобрать его выражение.

— В нынешней ситуации компания точно не будет давать мне работу в ближайшее время, и когда это изменится, Линь Ци, я не имею ни малейшего понятия, и, думаю, ты тоже.

— Жун И потратил шесть лет, чтобы вернуться на вершину, и это было в области, в которой он раньше не работал. А если мне тоже понадобится шесть лет? Это вполне возможно, Линь Ци. Жун И сказал мне, что «Лэфань» сейчас очень популярна в индустрии, и если она будет становиться всё более популярной, мой путь будет становиться всё сложнее. Я должен быть готов и использовать любую возможность, чтобы выжить. Я хочу учиться вокалу не из-за Жун И, а потому что я должен быть готов использовать этот путь для возвращения.

Цюй Хайяо говорил с решимостью, излучая благородство. Линь Ци на мгновение потерял дар речи, он молча смотрел на серьёзное лицо Цюй Хайяо, а затем ухватился за «главное» в его словах.

— Ты уверен, что это не из-за Жун И?

Цюй Хайяо тут же потерял серьёзность.

— Ну... может быть, чуть-чуть, процентов на пять.

Линь Ци поднял бровь.

— Ладно, на десять!

Линь Ци продолжал молчать.

— На треть! — Цюй Хайяо наконец сдался, выглядя раздражённым, и начал капризничать. — В общем, у меня такие веские причины, ты должен поддержать меня в моём стремлении учиться у учителя моего кумира!

— Плати сам! Я не буду тратить деньги на твою глупую фанатскую затею!

Но Линь Ци, несмотря на свою резкость, не смог устоять перед настойчивостью Цюй Хайяо, и вскоре тот начал заниматься вокалом у Цэнь Гуаньиня.

Как и описывал Жун И, Цэнь Гуаньинь имел густые, длинные и пушистые волосы, такие же густые брови и бороду, что делало его лицо похожим на клубок старых проводов. С расстояния было трудно разглядеть его черты, а вблизи они всё равно оставались загадкой. И, вероятно, именно из-за такого загадочного внешнего вида эмоции Цэнь Гуаньиня казались окружающим столь же таинственными — он и так был не очень выразительным, а теперь, с его «проводами», было ещё сложнее уловить изменения в его лице.

<http://bllate.org/book/16304/1470910>